



Роман Душкин

Методы боевой онейронавтики

Роман Душкин

Методы боевой онейронавтики

«Автор»

2026

Душкин Р. В.

Методы боевой онейронавтики / Р. В. Душкин — «Автор», 2026

В засекреченном подразделении боевой онейронавтики самые «сломанные» люди становятся идеальными операторами роя беспилотников: их мозг принимает чужие сенсорные системы как свои. Во сне они управляют кораблями-матками и роями первого порядка, чувствуя каждое попадание как собственную боль. Но в распределённом сознании, когда человек, техника, спутниковая группировка и главный ИИ-агент сшиты в единое поле, начинает проявляться нечто, что не укладывается ни в одну модель — ни инженерную, ни психиатрическую. Это история нейротипичной онейронавтики, которая шаг за шагом теряет человеческое «Я» в попытке удержать связность роя — и обнаруживает, что сама стала частью чьей-то чужой системы связей.

© Душкин Р. В., 2026

© Автор, 2026

Роман Душкин

Методы боевой онейронавтики

* * *

Я просыпаюсь внутри чужого тела, которое сложно назвать телом. Похоже, что это даже не организм.

Сначала я думаю, что меня просто слишком много. Я буквально не помещаюсь в кожу. Кожа, кстати, тоже странная: она повсюду и нигде. Я пытаюсь найти привычный контур тела — плечи, шею, ладони, — но пальцы расползаются в стороны, превращаются в тонкие линии, как лучи от фонаря в тумане. Я пытаюсь пошевелиться и шевелю сразу всем, и это «всем» не может решить, куда именно ему двигаться.

Течение воздуха ощутимо, хотя вроде бы даже нечем дышать. И это не мановение ветра по лицу — это вектор, который проходит сквозь меня, от одного условного края до другого. Будто бы пространство наклоняют, и я скатываюсь по нему всей площадью, которую не могу измерить. Плотность воздуха меняется, и эта разность давит на меня целиком, одновременно, без привычного «здесь сильнее, тут слабее». Если бы у поверхности стола были нервные окончания — она чувствовала бы так, когда на неё расставляют объекты разного размера и фактуры.

Я знаю, что сплю. Это знание висит как пометка в углу экрана: сон, не забывай. Я училась держать его, чтобы не проваливаться окончательно. Но сейчас оно мешает. Как только я цепляюсь за мысль «это сон», мир дёргается, пикселями собирается в другую конфигурацию, и меня выворачивает. Я тут же отпускаю. Пусть будет чем угодно, только не мной.

Попробовать сузиться. Найти центр. Я начинаю собирать себя вокруг какого-нибудь ощущения — например, шума. Шум здесь везде. Но это не звук в ушах, а зуд в глубине. Частоты накладываются друг на друга, то усиливаются, то пропадают. Иногда одна из них резко бьёт — будто меня дёргают за длинное сухожилие. Тогда у меня возникает рефлекс: отдёргнуть руку. Но рук здесь нет. Есть объём, который должен сместиться, чтобы уйти от этого удара, и он не успевает, потому что удар уже превратился в другую частоту.

Я понимаю, что слышу не акустические колебания воздуха. Это не настоящий звук. Это какие-то значения, которые не успевают сложиться в привычное «громко» или «тихо». Они приходят порциями, пачками, и каждая пачка имеет форму. Какая-то похожа на узкий шип, какая-то — на размазанное облако. Среди них иногда проскакивают те, что напоминают шаги по гравию, а другие — шёпот, но это лишь мои ассоциации, не больше.

Я пытаюсь открыть глаза — и понимаю, что они уже открыты, где-то. Где-то есть оптика, направленная во внешний мир, но я не знаю, где именно она у меня находится. Зато я знаю, что прямо сейчас передо мной — горизонт, а подо мной — что-то плотное. Я не вижу его, я чувствую его как резкое изменение «фактурности»: выше — низкочастотная, мягкая неоднородность, ниже — жёсткая, рельефная карта. Если бы мне сказали, что это земля и небо, я бы согласилась, но сама я не могу подобрать названия.

Я делаю движение — и оно распадается на сотни мелких микродвижений. Что-то поворачивается очень далеко влево. Что-то чуть приподнимается. Что-то подо мной плавно смещается вперёд. Это ощущается так, как если бы я одновременно крутанула глазами, повернула голову, дернула плечом и шагнула — только без самой головы, плеч и ног. Внутри этого многослойного жеста я пытаюсь найти своё привычное «Я», но нахожу только интерфейс рефлексов: ускорить, стабилизировать, удержать.

Где-то в глубине появляется ощущение: там, пониже, есть масса. Она тяжёлая, инертная и тёплая. Это похоже на воспоминание о собственном теле. Я тянусь туда вниманием, как рукой в стороны, и на секунду мне кажется, что я могу вдохнуть по-настоящему. Грудная клетка вот-вот поднимется... но в этот момент по всей моей поверхности пробегает дрожь. Будто бы меня

целиком поставили в слабое, но чётко структурированное магнитное поле и начали медленно поворачивать.

Направление этого поворота я чувствую не как «налево» или «направо», а как смену внутреннего ориентира. Что-то во мне щёлкает, перестраивается, и привычная ось «вверх — вниз» больше не работает. Есть новое «вверх» — туда, где поле кажется ровнее, и новое «вниз» — туда, где оно мутирует. Чтобы как-то совладать с этими необычными ощущениями, я называю эти странные направления «ана» и «ката». Я пытаюсь удержать обе системы координат сразу, старую и новую, и в какой-то момент они накладываются друг на друга, как прозрачные карты, и меня начинает тошнить.

Тошнота без желудка — странное чувство. Это вовсе не подступающий к горлу ком, к чему все привыкли, а какая-то общая деградация сигналов. Все потоки, которые текли более или менее согласованно, вдруг становятся вязкими, задерживаются. Движения запаздывают, как если бы я пыталась бежать по воде. Я понимаю, что перегружаюсь, но не могу найти кнопку «проснуться». Осознание сна есть, а выхода нет.

В этом замедлении появляется ещё одно ощущение. И оно не яркое, не кричащее, а наоборот — слишком чистое. Оно не вписывается ни в ветер-похожий-на-перекос, ни в магнитное-поле-похожее-на-наклон, ни в зудящий шум. Это как точка идеальной тишины посреди гулкого помещения. От неё расходятся тонкие линии, и куда бы я ни «повернула» своё внимание, одна из линий всё равно остаётся прямо передо мной.

Я не знаю, что это. Я не знаю даже, частью чего оно является. Оно не придерживается общих правил: не дрожит, не смазывается, не пропадает на пике перегрузки. У меня возникает ощущение, что кто-то смотрит на меня через идеально прозрачное стекло. Не снаружи и не изнутри — а как-то поперёк, из стороны, которой до этого вообще не существовало.

Мне от этого становится по-настоящему страшно.

Страх здесь — не умозрительная идея, а буквальная физика. Сигналы начинают стягиваться к центру, которого раньше не было. Из распластанного по площади восприятия собирается узел. Я внезапно снова понимаю, где у меня «правая сторона», где «левая», а где «подо мной» что-то твёрдое, что можно назвать полом. Чужое тело сжимается, уменьшается, остаётся только то, что умеет бояться.

И именно в этот момент по одному из краёв — я так его называю, потому что по-другому не могу — проходит удар, настоящий, понятный мозгу удар. Ровно в ту часть меня, которой ещё секунду назад не существовало отдельно, вошёл тонкий стилет с пчелиным ядом, который начинает разъедать мою плоть. Там возникает вспышка чистой белой боли, без оттенков, и она мгновенно растекается тонким слоем по всему объёму.

Я инстинктивно пытаюсь отдёрнуть... что? Конечность? Поверхность? Саму идею присутствия в этом месте? Я не успеваю. Боль захлёстывает, как кипяток, вылитый на карту нервной системы, которую только что нарисовали слишком подробно. Я понимаю, что если останусь, меня разорвёт. И тогда я, наконец, нахожу выход при помощи того самого осознания, которое висело, мешало, раздражало.

«Это всего лишь сон!» — вспоминаю я по-настоящему.

Слово «сон» срабатывает как команда аварийного отключения. Всё, что было мной, рассыпается. Ветер перестаёт быть вектором, поле — наклоном, шум — формами. Остаётся короткая, очень человеческая мысль: «Только бы не обратно туда». И за ней — провал.

* * *

Когда я вынырываю, первое, что возвращается, — тяжесть. Глухое, вязкое сопротивление, которое даёт собственное тело. Оно лежит совсем не так, как нужно, и я это понимаю ещё до того, как открываю глаза. Плечо затекло, нога вывернута под неестественным углом, кисть где-то под боком. Самое неприятное — шея. Такое ощущение, что мне аккуратно выкрутили пару позвонков и поставили их обратно чуть-чуть мимо пазов.

Я пробую пошевелиться — и облегчение от того, что конечности снова существуют, смешивается с разочарованием. Они слишком простые. Всего две руки, две ноги, всё линейно, локально, медленно. Я ещё помню, как можно было двигаться иначе: сразу всей площадью, сразу всем объёмом. Здесь — ограничение до четырёх степеней свободы, как примитивный манипулятор на старых промышленных стендах.

Открывать глаза не хочется, но приходится. Сверху льётся холодный свет, безжалостный, колючий. Как в лаборатории, как в больнице, как в тех местах, где людей кладут горизонтально, чтобы с ними что-то делать. Я морщусь, щурюсь и пытаюсь сфокусироваться на чём-то одном, понимая, что поле зрения раздвоено: привычная картинка и тонкий фантомный слой, в котором вместо потолка — ровная, чистая поверхность сигнала.

Я моргаю ещё раз — фантом уходит, остаётся потолок. Матовый белый, с мелкой сеткой вентиляционных решёток и утопленными квадратами светильников. В одном из светильников слегка дребезжит драйвер, выдавая на высоких частотах неприятный писк, который почти никто не слышит. Почти никто — но не я.

— Снова? — спросил слева мужской, знакомый голос. Уставший до хрипа.

Поворачивать голову — плохая идея. Позвонки протестуют треском и тупой болью. Но я всё равно поворачиваю. На соседнем койко-месте сидит он. В своём вечном тёмно-синем худи поверх серой футболки, с щетиной на подбородке, с глазами, в которых бессонница уже прописана на постоянной основе. Он держит в руках планшет, но смотрит не в него, а на меня.

— Ты опять перенасытилась, — констатирует он, не задавая вопросов. — Я же говорил, ты слишком долго держишь фазу.

Я пытаюсь что-то сказать, но звуков не выходит. Горло будто обтянули шероховатой плёнкой. В итоге получается сип:

— Отрубил.

— Это и есть хорошая новость, — криво улыбается он. — Значит, аварийное отключение сработало. На этот раз.

Я отвожу взгляд от него и пытаюсь сесть. Тело сопротивляется, но подчиняется. Ощущение такое, будто под кожей к мышцам кто-то временно подключал дополнительные моторы, а потом выдернул разом все провода, не задумываясь, что будет с остатком системы. Всё дрожит. Я ставлю ноги на холодный линолеум — мозг, как всегда, автоматически оценивает его проводимость, температуру, коэффициент трения, будто всё это важно. Хочется обратно в ту сложную, многомерную, неправильную конфигурацию, и одновременно — ни за что туда не возвращаться.

— Сколько? — спрашиваю я.

Он понимает вопрос без уточнений.

— По хронометру чуть меньше десяти минут, — отвечает он. — По твоему субъективному — понятия не имею. Судя по картинке, у тебя там опять было жарко.

«Картинка» — это то, что он привык называть сложнейшей многоканальной записью. С поверхности кожи, с глубины, с тех мест в голове, к которым официальная медицина пока не решила, имеет ли право подходить так близко без вскрытия. В его терминологии — просто «данные». В моей — отпечаток того, чем я только что была.

— Насколько... — я ищу слово, — всё плохо?

Он отводит глаза. Это всегда плохой знак.

— Субъективно или по протоколу? — уточняет он.

— По протоколу.

— По протоколу — в пределах допуска, — произносит он, как диктант. — Перегрузка сенсорного профиля, попытка удерживать две системы координат одновременно, стандартная паническая реакция, запуск преемственного контрарефлекса и выход через осознание. Ничего, чего мы не видели бы раньше.

Перегрузка, паника, выход. Всё аккуратно разложено по полочкам. Как будто бы вместе со мной там не стояло что-то ещё, чужое, сквозное. Как будто это можно свести к «попытке удерживать две системы координат одновременно». «Ана» и «ката» — он этого не слышал, и, наверное, к лучшему.

— Субъективно? — спрашиваю.

— Субъективно, — вздыхает он, — ты снова забыла, что у тебя есть тело. И слишком поздно вспомнила.

Я улыбаюсь безрадостно.

— Зато вспомнила, — говорю. — А могло и не повезти.

Он не отвечает. Смотрит мимо меня, на экраны. Они до сих пор светятся — там, за прозрачной перегородкой, целый ряд стоек с чёрными блоками, глухо урчащими вентиляторами. На паре мониторов висят цветные полосы, диаграммы, облака точек. На одном — схематичное изображение чего-то вроде человеческой головы с надетым на неё венцом, из которого в разные стороны тянутся тонкие кабели.

Эта схема условна. Настоящая конструкция тяжела, угловата и некрасива. Нет ни элегантного ободка, ни гладких поверхностей. Металлический каркас, пластиковые вставки, упругие ленты, десятки контактных площадок, прижимающихся к коже, к волосам, к тем местам, где череп плавно переходит в шею. Под контактами — тончайшие слои геля для улучшенной проводимости сигналов.

— Я больше не хочу туда возвращаться, — говорю. И понимаю, что вру. Хочу. Просто не хочу боль.

— Ты и не должна «хотеть», — отвечает он, не глядя. — Это работа. Тебе за неё платят. Мне, кстати, тоже.

Он говорит это так, будто бы речь о том, кто сегодня будет выносить мусор.

Я смотрю на его профиль и думаю, что это он меня сюда впервые и привёл. Он показал мне этот венец как игрушку. «Представляешь, — говорил, — мы сможем не только смотреть на твои приступы, но и управлять ими. Переводить из хаоса в структуру. Ты наконец перестанешь просыпаться от того, что у тебя в голове одновременно три разных сна». Тогда это звучало как обещание нормальности. Правда, к тому моменту я уже не была уверена, что хочу быть нормальной.

— Сегодня какая по счёту? — спрашиваю, хотя приблизительно знаю.

Он проверяет в планшете.

— Пятая. Из восьми.

— То есть ещё три?

— Если тебя не снимут с цикла, — кивает он. — Если ты сама не попросишь.

«Снять с цикла» звучит как про оборудование, а не про человека. Выключить стенд, перенести на другую линию, поставить заглушку. Людей здесь вообще редко называют людьми. Официально мы — операторы. В отчётах, наверное, нашу группу называют «нейрокластером». В устной речи — «сонники», иногда «рыбы», если речь о тех, кто уходит глубже всех и подолгу не всплывает. Сами себя мы называем «онейронавтами».

— Я попрошу, — говорю автоматом.

Он молчит. Молчит так, что понятно: не поверил ни на секунду.

Я сползаю с кушетки, с трудом поднимаюсь. Ноги подгибаются, в висках стучит. Мир чуть-чуть двоится: поверх комнаты иногда проступает функциональная сетка. Я вижу, как идут кабельные трассы под потолком, даже если их не видно. Как распределяется нагрузка по стойкам, даже если на них нет датчиков. Это не настоящее зрение, я понимаю. Это мозг всё ещё пытается работать с теми модальностями, которые ему недавно дали, и теперь ему трудно от них отказаться.

— Парадоксально, — бормочу я. — Мы перекрываем участок, который и так давно должен был быть тихим.

— Это к психиатрам, — отмахивается он. — Я всего лишь железки делаю.

«Железки» в его понимании — это комплекс, который связывает мой сон с тем, что происходит далеко отсюда. Там, где уже нет белых потолков и линолеума, где вместо него — чужое небо, чужая земля и чужие люди. Где рой первого уровня работает сам по себе, на своих автономных алгоритмах, но на сложных участках ему нужен кто-то вроде меня: чтобы удержать связность, когда цифровой здравый смысл начинает разваливаться.

— Они просили тебя, кстати, — добавляет он. — На следующем цикле подключить матку раньше.

Я останавливаюсь.

— Раньше чего?

— Раньше, чем ты привыкла. До того, как рой стабилизируется. Хочешь не хочешь, а придётся присутствовать, пока он собирается.

Мне становится холодно. Собирающийся рой — это всегда хаос. Сигналы не отлажены, каналы связи ещё шумные, те самые «значения, которые не успевают сложиться в громко или тихо», напозапят друг на друга безо всяких фильтров. Там больше всего. Там выше шанс, что кто-то где-то погибнет прежде, чем я успею «отпрыгнуть».

— Зачем им это? — спрашиваю.

— Говорят, твой профиль подходит, — пожимает он плечами. — Нейротипичные операторы лучше справляются с неполными данными. Меньше пытаются достроить картинку до удобной. Они готовы жить с дырками.

«Готовы жить с дырками» — красивое объяснение того, что у меня просто сломана нормальная фильтрация. То, что другим мозг отсеивает как шум и мусор, у меня прилипает и остаётся. Неполные формы, незавершённые паттерны, странные комбинации запахов и цветов — всё это фон, который я несла с собой с детства. Теперь этот фон кому-то понадобился.

— Они хотя бы понимают, что в осознанных сновидениях люди не отдыхают? — спрашиваю я. — Что мозг после такого не восстанавливается? Что сон превращается в ещё одну смену?

— Понимают, — сухо говорит он. — У нас был целый доклад по этому поводу. С графиками. Там очень убедительно показано, что при правильных протоколах нагрузка остаётся в допустимых пределах.

— А по-честному?

Он на секунду задумчиво щурится.

— По-честному, — говорит он, — ты выгораешь. Не быстрее, но и не медленнее, чем они ожидали. Вопрос только в том, что тебя сломает первой: сенсорная перегрузка или собственные страхи.

«Собственные страхи» — удобный термин. Можно всё списать на них, если что-то пойдёт не так. Никому даже не придётся разбираться, откуда взялось то «чистое» ощущение в центре чужого пространства, почему оно не дрожало и не смазывалось. Это просто я. Мои особенности. Моя психика.

Я подхожу к стеклу, за которым стоят стойки, и прижимаюсь лбом к прохладной поверхности. Сквозь отражение вижу венец на подголовнике соседней кушетки, кабели, которые убрали в аккуратные жгуты, комплект одноразовых накладок для контактов. Всё это — инженерия. Жёсткая, правильная, предсказуемая. Люди, которые это проектировали, думали о помехоустойчивости, о температурных режимах, о вибрации. О том, как спутниковый канал выдержит помехи, как сигнал пройдёт через слой ионосферы, как синхронизируются метки по всей группировке.

Никто из них не думал, что по этим же каналам может пройти что-то ещё.

— Ладно, — говорю. — Давай шестую.

Он молча кивает. Идёт отключать аварийные блокировки, прогонять самотесты, прогреть генераторы. В глубине стоек загораются дополнительные индикаторы. Где-то в стороне негромко щёлкают реле, меняя маршруты. Я слышу всё это так, как другие люди слышат далёкий гром — не ушами, а, скорее, инстинктом. Кажется, что мир опять начинает наклоняться.

Я возвращаюсь к своей кушетке и ложусь. Венец холоден, когда его надевают. Контакты чуть покалывают, когда включается опорный ток. По стенам медленно ползут тени от вентиляторов. Свет сверху всё такой же безжалостный.

— Если станет совсем плохо, — говорит он, наклоняясь ко мне, — не геройствуй. Выходи. Команда та же.

«Это всего лишь сон», — думаю я. И прикрываю глаза.

* * *

На этот раз подключение происходит без чёрного провала между гипногией и осознанным сновидением.

Нет того привычного болота засыпания, нет медленного распада мыслей. Есть ровный, короткий переход: я лежу под холодным светом, моргаю, и в следующий момент уже моргает за меня что-то другое. Щёлк — и точки опоры исчезают. Щёлк — и появляются новые. Я сразу узнаю это состояние.

Сначала возвращается поле — более сложная структура, как если бы привычное гравитационное «вниз» раздробили на множество локальных мини-вниз, привязанных к десяткам отдельных объектов, и теперь это не «вниз», а «ката». Каждое из этих «ката» чуть-чуть своё: у одного — более вязкое тягучее, у другого — хрупкое, как стекло, у третьего — резкое, кусачее. Я ощущаю всё сразу и знаю, что это разные массы, разные корпуса, разные точки крепления к миру.

Потом — воздух. Но не «ветер по лицу и волосам» и не абстрактный вектор, как в прошлый раз. Воздух распадается на множество потоков, струй, завихрений, которые врезаются в меня, обтекают, задевают, откатываются. У одного из тел, которым я являюсь, поверхность шероховатая, с выступами и антеннами — турбулентность вокруг него богаче. У другого — гладкая, обтекатель вылизан аэродинамикой, и там всё спокойнее, ламинарнее. Ещё один висит выше, над слоем, и почти не чувствует ничего, кроме редких порывов.

Я понимаю, что я больше не одно тело, а сразу несколько. Много. Столько, что считать бессмысленно. Они не равны между собой: есть крупные, тяжёлые, есть маленькие, юркие, есть совсем хлипкие, которые ощущают мир предельно нервно, как испуганный зверёк, у которого каждая травинка — возможная угроза. Но моторика у всех одна. То есть решения принимаются в одном месте — во мне, — а уже потом расходятся по ним как вариации одной и той же команды.

Я не вижу интерфейса. Нет привычных экранов, курсоров, схем связи, к которым приывают обычные операторы. Вся эта отрисовка существует где-то там, в аппаратуре, но до меня не доходит. До меня доходят только ощущения: «слишком близко», «слишком быстро», «слишком ярко», «слишком громко». Мозг сам достраивает из этого команды: замедлиться, подняться, разойтись, сблизиться.

Оптика включается не как зрение, а как вспышки структуры. У одного из тел — чёткая картинка: впереди горизонт, под ним — ломаный рельеф. У другого — только пятна тепла, размытые силуэты над каменными блоками. Третий вообще не смотрит вперёд — его «глаза» обращены вниз, туда, где среди тёмных тонов выделяются ярко-жёлтые и красные точки источников тепла. И я не переключаюсь между ними, как по камерам наблюдения, поскольку они все одновременно — мой «взгляд». Просто в каждый момент чуть громче тот, которому сейчас нужно больше внимания.

Где-то сбоку, на периферии восприятия, лежит то, что мой брат назвал бы «базовыми алгоритмами роевого управления». Простые правила — держать дистанцию, не сталкиваться, следовать за лидером, не уходить слишком далеко от соседей. Только здесь это не правила, а мои собственные телесные привычки. Как рефлекс не наступать себе одной ногой на другую. Я чувствую всех как продолжение себя: если один из моих корпусов идёт слишком близко к другому, в том месте возникает раздражение, как от тесной обуви. Я автоматически корректирую траекторию, даже не успев сформулировать «нужно разойтись».

Где-то дальше, почти на уровне фона, работает автомат. Он считает оптимальные маршруты, распределяет цели, следит за общей формой строя, чтобы мы не превратились в бесполезную россыпь. Это — первый уровень роя. Он справился бы и без меня. Но сейчас я вплетена в эту структуру как дополнительная ткань. Я не управляю напрямую каждым, а задаю общий вкус движению. Я — то, что делает рой похожим на единый организм.

В какой-то момент меня начинает радовать эта согласованность. После человеческого тела, с его ограниченными суставами и хронически больной шеей, быть сразу несколькими десятками — странное, но приятное облегчение. Я могу позволить себе одновременно подставить один корпус под ветер, чтобы тот вынес меня вверх, и другим — проскользнуть в тени складки местности, уходя от фиксации. Я могу держать широкий фронт обзора: один корпус смотрит вперёд, другой — в бок, третий — вверх, контролируя небо над нами, четвёртый — назад, отслеживая хвост.

Я не думаю: «Вот тут я управляю». Слова были бы помехой. Всё происходит на уровне рефлекса. Рой — как мои пальцы. Я не задумываюсь, какой палец изгибать, когда беру кружку, они сами договариваются. Здесь всё так же: дроны сами разруливают мелочи, а я отвечаю за то, чтобы общая фигура движения соответствовала задаче.

Задачи, кстати, тоже нет в словах. Нет брифинга, нет краткой формулировки «удерживать зону» или «подавить цель». Есть ощущение пустоты, которое не должно остаться пустым. Как белое пятно на карте. Оно вызывает лёгкий зуд где-то на том уровне, где у людей рождается совесть или чувство незавершённости. Рой тянется туда, чтобы заполнить. И я — вместе с ним.

В этом многоголосом плавании вдруг появляется знакомая странность. На границе поля зрения — того самого не-человеческого, многоканального, — проступает чистое ощущение. Не из наших. Не оптика, не радар, не инфракрасный луч. Не то, что я привыкла принимать за «шум канала» или «артефакты обработки». Это что-то другое. Слишком чистый штрих, который не подчиняется общему уровню помех.

Он пока очень слабый, как тонкий запах в помещении, где давно уже ничем не пахло. Но я его узнаю. Это та самая точка идеальной тишины, которая была в предыдущем сне. В прошлый раз она была одиночной, выросшей из ниоткуда. Сейчас она встроена в общий рисунок — она аккуратно вписана в геометрию роя.

Я пытаюсь не смотреть туда. Не «поворачивать» на неё своё внимание. Удерживать фокус на том, что можно потрогать: поток воздуха, локальные «вниз», тепловые пятна. На привычных, понятных датчиках, которые имеют калибровочные таблицы и паспорта. Но как только я отворачиваюсь, она смещается — так, чтобы остаться на периферии, но всегда в поле. Не давит, не лезет в центр, просто присутствует. Как чужой взгляд, которым, не моргая, смотрят на тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.